

УДК 81`23

ТИП ЧИТАТЕЛЯ И ОСОБЕННОСТИ ЕГО ПРОЕКЦИИ ТЕКСТА

Н.О. Золотова, Н.В. Захарова

Тверской государственной университет, Тверь

Диалектика отношений автора текста, переводчика и читателя рассматривается с точки зрения психолингвистической модели понимания текста. Обсуждаются роли участников взаимодействия в пространстве текста. Особенности проекции текста, которую строит читатель, преодолевающий лакуны, увязываются с его личностными характеристиками.

Ключевые слова: *понимание текста, проекция текста, «тёмные места», комментарий переводчика, типология читателей.*

Понимание текста трактуется в психолингвистической традиции как построение его проекции, под которой имеется в виду «ментальное образование (концепт текста, смысл текста как цельность/целостность), продукт процесса смыслового восприятия текста реципиентом, в той или иной мере приближающийся к авторскому варианту проекции текста» [3: 62].

Развивая идеи Н.А. Рубакина и Ю.А. Сорокина, А.А. Залевская [цит. раб.] использует ключевое понятие проекции текста в сформулированной ею психолингвистической концепции понимания текста, которая применима и к рассмотрению переводного текста с обозначением дополнительного звена в цепочке «автор – читатель»: «автор – авторская проекция текста – тело текста – переводчик – проекция текста у переводчика – реципиент – проекция текста у реципиента».

На всём протяжении существования культуры перевода отношение к нему менялось и, соответственно, менялось отношение к позиции, которую стихийно или осознанно занимает переводчик в этой деятельности. Это, в свою очередь, определяло характер перевода.

В настоящее время наблюдается повышенный интерес к роли переводчика. С этой точки зрения, стало очевидным, что в процессе трансформации иноязычного текста в текст перевода переводчик занимает центральное место, а реципиент, в свою очередь, воспринимает проекцию текста переводчика. Таким образом, переводчик как полноценное звено системы «автор–текст–читатель» продлевает «жизнь текста автора», в том числе и за счёт своих личностных качеств: речь идёт об интеллектуально-эмоциональном типе личности со специфической структурой речевого (и неречевого) коммуникативного поведения, определяемой культурными особенностями того общества, к которому данная личность принадлежит [8].

Роль переводчика в процессе пересоздания исходного текста, таким образом, увязывается с его личностными особенностями и эстетическими предпочтениями. То же можно сказать и о читателе: долгое время права текста и его автора казались незыблемыми, а проблема читателя занимала скромное место. Как отмечает А.Р. Усманова [10], фигура Создателя занимала главное место в западных интеллектуальных практиках. Роль автора как основного «инвестора» значения текста исследовалась традиционной критикой. Биография автора и его высказывания о своём произведении рассматривались

как основание для реконструкции интенций автора, и в этой связи текст, предположительно, мог иметь некий аутентичный смысл. По сути дела, существовала теория однонаправленного воздействия автора и его произведения на реципиента. Культ Автора вполне логично уступил культу Читателя, «наделяющего слова смыслом, именуя вещи и упорядочивающего мир своим взглядом» [цит. раб.: 134–135].

Новый взгляд на читателя активно развивает У. Эко, который рассматривает читателя как «активное начало интерпретации», как «часть самого процесса порождения текста» [11: 14]. По справедливому утверждению автора, некий акт коммуникации получает широкий отклик в обществе не столько благодаря самому тексту, сколько тому факту, «как данный текст прочитывается этим обществом» [цит. раб.: 286]. В реальных процессах коммуникации текст часто интерпретируется с использованием не тех кодов, который имел в виду автор. У. Эко утверждает, что некоторые авторы не учитывают этого, так как исходят из представления о «среднестатистическом адресате в заданном социальном контексте» [цит. раб.: 19]. Но реальный читатель явно отличается от такого среднестатистического.

Ситуация с читателем переводного текста представляется ещё более интересной, так как, по сути дела, восприятие проекции текста переводчика читателем представляет собой результат взаимодействия трёх субъектов: автора, переводчика и читателя. При этом читатель имеет право на собственную интерпретацию смысла текста, которая коррелирует, по выражению В.П. Белянина, со «структурами его акцентуированного сознания» [2: 10]. Исследователь обращает внимание на тот факт, что «максимально адекватно читатель интерпретирует тексты, созданные на базе близких ему как личности психологических структур» [там же].

В разное время У. Эко выделял различные типы читателей, среди которых оказывались типы «метачитателя», «архичитателя», «действительного», «властного», «когерентного», «компетентного», «идеального», «подразумеваемого», «программируемого», «виртуального», «реального», «сопротивляющегося» и даже читателя «нулевой степени» [11, 12]. Так, «критически настроенный» читатель вычитывает из книги больше, чем текст говорит на первый взгляд [11: 45]. «Читатель-циник» может сделать определённые заключения о морали, которые никогда не сделает «добродетельный» читатель. По мнению автора, «идеальный читатель» – это читатель, запрограммированный текстом. Реальность «идеального» читателя задаётся текстом, а не классовыми, политическими, этническими, сексуальными и другими признаками идентификации. «Идеальный» читатель Эко напоминает скорее компьютер, способный обнаружить в своей памяти и соединить в безграничном гипертексте весь текстуальный универсум и потому он – образцовый. Его единственной связью с миром является культурная традиция, а единственной жизненной функцией – функция интерпретации. «Идеальный читатель» строго определён «лексической и синтаксической организацией текста», он представляет собой «комплекс благоприятных условий», которые «должны быть выполнены, чтобы текст полностью актуализовал своё потенциальное содержание» [цит. раб.: 25]. У. Эко

использует понятие «идеального читателя» для защиты текста от множества его интерпретаций.

«Тело текста» представляет собой мёртвую последовательность графем, и «для его оживления» или «одушевления» необходима включённость и «тела текста», и индивида в соответствующую культуру, вне которой текст как таковой состояться не может [3: 157]. Переводчик как исследователь осуществляет «вторичную интерпретацию» уже понятого с опорой на вторичную рефлексии с позицией «для этого жанра – для этого автора – для перевода (и т.д.)» [цит. раб.: 154]. Эту цепочку можно продолжить, введя в неё позицию «для будущего читателя».

Осуществляя «вторичную интерпретацию», переводчик как профессиональный билингв исследует текст с целью выявления трудностей, с которыми может столкнуться будущий читатель, и создания проекции текста, близкой к проекции автора. Таким образом, профессиональный переводчик пытается «уравновесить» проекцию текста автора и реципиента через построение собственной проекции и удовлетворить потребности читателя любого уровня, приближая его к восприятию «идеального читателя» в терминах У. Эко.

При ориентации на восприятие текста будущим читателем, переводчику приходится выбирать способ передачи смыслов исходной культуры на язык принимающей культуры. В число таких способов входит комментирование лакунизированных слов – «тёмных мест». Изучение поведения современного читателя, встречающего в тексте лауну, представляется необходимым для исследования взаимодействия автора, переводчика и читателя.

Результаты экспериментального исследования [4], нацеленного на выявление особенностей проекций текста читателей, сформированных под влиянием переводческого комментария, увязываются нами с выбором стратегий преодоления непонимания, которые предпочитает читатель при столкновении с «тёмными местами». Обобщение фактического материала с этой точки зрения позволяет нам выделить определённые типы читателей и дать их описание.

Анализ субъективных дефиниций комментируемых слов (далее – КС) и интерпретации текстов, содержащих КС, показывает, что современный читатель, встретившись с «тёмными местами» в тексте, избирает различные ходы интерпретаций и тактики выхода из сложных ситуаций. Несмотря на то, что нашими испытуемыми (далее – Ии.) были студенты – искусственные билингвы, изучающие французский / английский языки и культурологические особенности стран изучаемых языков, невозможно представить их как среднестатистических читателей даже в заданном социальном контексте.

У. Эко утверждает, что каждый автор предполагает среднестатистического читателя, сравнивая создание текста с созданием рекламы, которая адресуется некой предположительной аудитории потребителей [11: 20], но желает предвидеть «идеального читателя», способного «овладеть различными кодами и готового воспринимать текст как лабиринт, состоящий из множества запутанных маршрутов» [цит. раб.: 21].

Другими словами, «идеальный читатель» стремится к внимательному прочтению текста, к его исследованию, к анализу его вертикального контекста, включая комментарии. Здесь важен также опыт читателя в отношении к чтению других текстов, знание культурных особенностей среды, в которой был создан текст и т.д. Справедливости ради отметим, что для каждого отдельного автора есть свой «идеальный» читатель. Ещё Н.А. Рубакин [7], подчёркивая важность выявления индивидуальных и групповых особенностей реципиентов, стремился исследовать текст как стимул для формирования тех или иных проекций у читателей (или типов читателей).

О проблеме существования разных читателей говорит и С.А. Рейсер, утверждая, что комментарии в тексте «должны удовлетворять и вполне квалифицированного читателя, и читателя так называемого массового...» [б.: 162]. Исследователь уточняет, что само понятие «массовый читатель» в достаточной степени «непрояснённое, точнее сказать, недифференцированное» [цит. раб.: 162]. Имея в виду под «массовым читателем» очень разнообразный круг лиц, как гуманитарного так и негуманитарного профиля, С.А. Рейсер справедливо считает, что «неровность» читателя осложняет его «обслуживание».

О существенной роли влияния совместимости психологических портретов автора и читателя в принятии / непринятии текста читателем говорит и В.П. Белянин [2], утверждая, что для более глубокого понимания художественного текста всё его содержание должно быть соотнесено с жизненным опытом читателя как личности. При чтении текста происходит проникновение в авторский замысел, общение с писателем. Важны не столько логичность и аргументация в употреблении языка, сколько эмоциональное воздействие текста на читателя, ибо через формирование эмоционального отношения к сказанному текст быстрее «находит своего читателя» [цит. раб.: 209].

Результаты эксперимента В.П. Белянина с применением «проективного литературного теста», который был создан на основе типологии художественных текстов, показали, что читатели оценивают художественное произведение в зависимости от эмоционально-смысловой доминанты текста и от своих личностных характеристик [там же]. Эксперимент подтвердил также гипотезу Геннекена-Рубакина, в соответствии с которой читатель выбирает для чтения те книги, которые отражают имеющиеся у него и понятные ему психические состояния.

Подчёркивая, что существование «среднего» читателя невозможно по определению, В.А. Миловидов [5] справедливо утверждает, что некая референтная группа читателей переживает в своём формате произведения А. Бушкова или О. Робски, и этот формат эстетического и художественного переживаний не будет совпадать с тем, что и как переживают читатели Ф. Достоевского или У. Эко.

Таким образом, разная литература ориентируется на разных читателей. Важна гармония авторской интенции и читательского типа. Для «бульварного» писателя идеальным станет «бульварный» тип читателя. Вслед за У. Эко, под «идеальным» читателем понимается читатель, склонный к филологическому исследованию текста, к его углублённому прочтению.

Представляется целесообразным связать типологию читателей, которые интерпретируют текст, предложенную У. Эко, с типологией речевых культур И.А. Стернина, которая используется при описании типов носителей языка одной речевой культуры, поскольку чтение текста влияет на носителей языка, а речевая культура соответственно влияет на восприятие и понимание текста.

Опираясь на теорию типов речевой культуры, разработанную О.Б. Сиротининой, И.А. Стернин [9] выделяет следующие типы носителей речевых культур, формируемые в процессе обучения, воспитания и социализации личности: элитарный, литературный, среднелитературный, фамильярно-разговорный, просторечно-жаргонный. По мнению учёного, «элитарный тип» – это идеальная модель речевой культуры, к которой надо стремиться, «но в полном объёме воплотить данный тип практически невозможно» [цит. раб.: 3].

Литературный и среднелитературный типы достаточны для цивилизованного общества, а остальные выпадают из норм культуры общения. Наиболее важными для нас характеристиками литературного типа являются рефлексивный тип интеллекта, неудовлетворенность своим интеллектуальным багажом, богатство активного и пассивного словарных запасов, знание основных прецедентных текстов художественной литературы, интерес к новым словам и выражениям, отсутствие языковой самоуверенности. И.А. Стернин также отмечает, что ни образование, ни коммуникативная профессия ещё не гарантируют формирования у личности литературного типа речевого общения, здесь участвуют общественные и личностные факторы, которые требуют дополнительного исследования.

На наш взгляд, типология читателя У. Эко и типология носителей речевой культуры И.А. Стернина взаимодополняют друг друга и связаны общей идеей «идеального читателя» (Эко) и «элитарного типа» носителя языка (Стернин). «Идеальный читатель» как и «элитарный тип» – это идеал, к которому надо стремиться, но он практически недостижим, и сформировать его целенаправленно невозможно.

Анализ анкет Ии.с субъективными дефинициями маркированных слов, требующих комментария переводчика, и интерпретациями текстов, содержащих такие слова, позволил нам выделить, опираясь на типологию читателей У. Эко и типологию носителей речевой культуры И.А. Стернина, следующие типы читателей, встречающихся в тексте «тёмные места».

Рефлексирующий читатель (далее – РЧ) даёт дефиниции часто с собственными комментариями, основанными на знании культуры и выводах по тексту (например, *КИШЛОРАН – национальное блюдо с помидорами; СТЕТСОН – мужской головной убор*). РЧ представляет высокий уровень развития, такой читатель стремится к филологическому исследованию текста. В дефинициях РЧ обнаруживаем языковое знание, которое способствует правильному «узнаванию» слова и пониманию текста (например, *ИЛЛЮМИНАТ – просветитель*). Многие РЧ подчеркнули, что слово ИЛЛЮМИНАТ происходит от *illuminate*, что означает «просвещённый». Для экспликации значения слова РЧ опирается не только на контекст, но и на форму слова (*МИДИНЕТКА – женщина среднего возраста*, так как *midí* (фр.) – середина, половина). РЧ обладает некоторыми знаниями культуры страны, где создавался текст оригинала. Так, представление о Коко Шанель помогает

ему связать комментируемое слово (далее – КС) МИДИНЕТКА с прецедентным именем, связанным со знаменитой в нашей стране дамой, которая смогла сделать прекрасную карьеру (например, если Коко – МИДИНЕТКА, то *карьеристка; женщина среднего положения; женщина, использующая мужчин; алчная женщина; расчетливая женщина*). Интересно, что один И. отметил, что МИДИНЕТКА – *продуманка* («продуман» – модное словечко, используемое в молодёжной среде для обозначения всё предусматривающего человека, способного просчитать свой успех); два Ии. определили МИДИНЕТКУ как *женщину, ничего не представляющую*. Дефиниции РЧ отличаются от словарных, но знания того факта, что Коко Шанель действительно использовала богатых мужчин для своего карьерного роста и вызывала ревность у многих женщин, помогло уловить смысл пренебрежительного и унижительного отношения в словах её завистливой подруги. Подруга Коко хотела показать, что Коко ничего из себя не представляет, она – «попросту мидинетка», т.е. простая швея. Таким образом, РЧ, не зная значения КС МИДИНЕТКА, поняли текст подобно авторскому замыслу образом. РЧ обладает рефлексивным интеллектом, логичностью мышления, неудовлетворенностью своим интеллектуальным багажом и отсутствием самоуверенности. Мы абсолютно согласны с И.А. Стерниным, что последнее качество является характеристикой более развитой языковой личности. Так, РЧ в интерпретации отрывка с КС ГОНДОЛЫ ставит под сомнение тот факт, что можно продавать венецианские гондолы в супермаркетах Франции. В двух анкетах Ии. было подчёркнуто, что *надо прислушиваться к покупателям гондол в специализированных (специальных) супермаркетах*. В одной анкете было указано про покупателей гондол со знаком вопроса. Сомнения читателей и введение слов «специальный / специализированный» в свои интерпретации текстов свидетельствуют о том, что текст был прочитан РЧ вдумчиво. Действительно, любой внимательный читатель задумается о возможности продаж гондол в простых французских супермаркетах, и текст не покажется ему таким лёгким для понимания. Интерпретации отрывков РЧ характеризуются богатством словарного запаса, использованием синонимов. Нельзя сравнивать РЧ с «идеальным читателем», но очевидно, что он пытается увидеть в тексте хоть «несущественное», но «существующее» [11: 47].

«Поверхностный» читатель (далее – ПЧ), сталкиваясь с трудностью, не прикладывает усилий, чтобы понять слово. Часто даёт дефиниции, не анализируя контекст (например, *какой-то танец, какой-то язык, какое-то блюдо*). В двух анкетах Ии. КИШЛОРЕН – *каша*. Данное токование свидетельствует о том, что Ии. не вчитывались в контекст, в котором сказано, что «купили помидор, чтобы приготовить кишлорен». Ассоциации с кашей объясняются сходством с графическим обликом слова, но внимательное прочтение текста заставляет задуматься о возможности приготовления каши из помидор. ПЧ избегает трудностей в понимании и пропускает «тёмные места» в тексте. В отрывках с неоднозначным пониманием ПЧ часто отказывается давать дефиниции (больше всего отказов было получено на КС КВИПРОКВО и МИДИНЕТКА). Этому читателя удовлетворяет неполное, поверхностное понимание текста. ПЧ интересуется только сюжетная линия. С одной стороны,

ПЧ можно оправдать быстрым прочтением и отсутствием установки вдумчиво вчитываться в текст. Так, О.А. Андреев [1] выделяет пять основных способов прочтения текста: углублённое, быстрое, панорамное быстрое, сверхбыстрое, чтение – просмотр – сканирование. Согласно методике обучения быстрому чтению О.А. Андреева [там же], все тексты обладают избыточностью, которая достигает порой 75%. При обучении быстрому чтению понимание сводится к тому, чтобы «схватить» в тексте основные идеи, значимые слова, короткие фразы, т.е. свести содержание текста к коротким и существенным логическим формулам. В методике выделены два основных приёма для понимания текста: выделение основных опорных пунктов (процесс фильтрации и сжатия текста без потери основы) и антиципация (смысловая догадка, которая обеспечивается так называемой скрытой реакцией ожидания). Рассмотренные приёмы понимания текста интуитивно используют многие читатели, т.е. соединяют ключевые слова в лаконичные, как бы конспектируют текст. В нём остаются только «зёрна мысли». ПЧ «сканирует» текст и лакунизированное слово не входит в 25% объёма нужной для него информации, поскольку не является «доминантной», т.е. главной смысловой частью текста [там же]. С другой стороны, нашим Ии. было дано задание интерпретировать текст, предварительно изучив его. Быстрое панорамное чтение не входило в задачи наших читателей. К тому же, О.А. Андреев предостерегает, что метод быстрого чтения может быть использован для чтения газет, научно-популярных книг, журналов и т.д., но не рекомендует читать быстро художественную литературу и любые другие тексты, понимание которых затруднительно. В условиях информационного взрыва обучение технике быстрого чтения необходимо и полезно для специалистов в разных сферах деятельности и для рядовых читателей, так как позволяет ориентироваться в выборе необходимой информации и нужной книги. Автор методики быстрого чтения подчёркивает также, что, для того, чтобы разобраться в интересной книге, её надо изучать и перечитывать. Углублённое изучение текста, на наш взгляд, обогащает словарный запас и способствует формированию личности литературного типа речевого общения. Для интерпретации же ПЧ характерны скудный запас лексики, неумение развёртывать свою речь письменно.

Самоуверенный читатель (далее – СЧ) «красуется» знаниями, полностью уверен в логике своих рассуждений, очень часто ошибочных, легко делает выводы. Переоценивая свои языковые и культурологические знания, злоупотребляет иностранными словами (например, *КИШЛОРЕН – соус болонезе, баварский кетчуп*, так как в тексте сказано, что «купили помидор для приготовления кишлорена»; *КВИПРОКВО – наркотик*, так как в тексте сказано, что после него происходит путаница; играть в *ТРАППЕРЫ – играть в казаков-разбойников*; разучивали *БИБОП – хип-хоп*; *ПИКЕТ – портвейн*, так как по контексту можно сделать вывод, что речь идёт о дешёвом спиртном напитке). СЧ часто прибегает к опоре на звуко-буквенный комплекс, не вдумываясь в контекст (например, *МИДИНЕТКА – марионетка*; *БВАНА – болван*; *ИЛЮМИНАТ – иллюминатор*). Читатель, имеющий представление о Коко Шанель, не сможет написать, что Коко – попросту *марионетка*, поскольку эта сильная личность, обладающая способностью управлять и доминировать, никогда не являлась марионеткой, т.е. легко управляемой

куклой. У СЧ либо отсутствуют знания в культурологической области, либо он не умеет применять их, т.е. читает текст так, как ему вздумается. Стоит отметить одну анкету И. с КС МИДИНЕТКА – *недалёкая, бездарная, недорогая, неопытная актриса*. Многочисленные эпитеты И. доказывают, что этот СЧ не только полностью уверен в том, что МИДИНЕТКА – *актриса*, но и даже может охарактеризовать её. То же самое можно сказать о дефинициях в двух анкетах Ии. к КС ИЛЛЮМИНАТ – *иллюминатор*. По контексту можно догадаться, что речь идёт о секте ИЛЛЮМИНАТОВ. Опираясь на звуко-буквенный комплекс слова, СЧ не задумывается о смысле, который отсутствует в словосочетании *секта иллюминаторов*. В конце характеристики СЧ хочется отметить, что анкеты СЧ характеризуются богатством языковых средств, умением развёртывать свою речь, языковой самоуверенностью, но неумением анализировать «несущественное» в тексте. СЧ напоминает «идеологического читателя» или «читателя – циника» (в типологии У. Эко), поскольку видит в тексте то, что хочет сам видеть. Мы абсолютно согласны с У. Эко, который проводит различие между свободой интерпретационного выбора и свободой того читателя, который использует текст «просто как стимул для личных галлюцинаций, отсекая ненужные уровни значения» [11: 76]. Стоит предположить, что такой читатель никогда не сомневается в правильности своего понимания.

Следует отметить, что «нулевого читателя» не оказалось среди наших испытуемых, имеющих опыт чтения художественной литературы на иностранном и родном языке. Все Ии. оказались носителями литературного и среднелитературного типов речевых культур в соответствии с типологией И.А. Стернина.

Очевидно, невозможно создать исчерпывающую типологию читателей, преодолевающих в тексте «тёмные места». Как справедливо отмечает В.П. Белянин, «реальное бытие текста и реальные процессы восприятия текста человеком многократно сложнее и глубже, чем упрощённые в научных целях представления о них» [2: 222]. Тем не менее, этот факт не отменяет ценности психолингвистического анализа корреляции структур обыденного сознания читателя со структурами художественного, в том числе и переводного текста, содержащего лакунизированные единицы.

Список литературы

1. Андреев О.А. Учимся читать быстро: первая ступень обучения в школе О.Андреева. Программа «Доминанта» 2000. М: Триада, ЛТД, 2000. 190 с.
2. Белянин В.П. Основы психолингвистической диагностики (Модели мира в литературе). М.: Тривола, 2000. 248 с.
3. Залевская А.А. Текст и его понимание: монография. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2001. 177 с.
4. Захарова Н.В. Роль комментируемого слова в прекции текст читателя: автореф. дис. ...канд.филол.наук: 10.02.19 / Н.В. Захарова; Твер. гос. ун-т, 2014. 15 с.
5. Миловидов В.А. Проблема идеального читателя в контексте методологии дискурса-анализа литературного произведения // Вестник ТвГУ. Серия «Филология». 2012. № 10. С. 108–112.
6. Рейсер С.А. Основы текстологии. Л.: Издательство «Просвещение», 1978. 176 с.

7. Рубакин Н. А. Психология читателя и книги. М.: Книга, 1977. 264 с.
8. Сорокин Ю.А. Переводоведение: статус переводчика и психогерменевтические процедуры. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 160 с.
9. Стернин И.А. Типы речевых культур: учебное пособие. Воронеж: «Истоки», 2013. 23 с.
10. Усманова А.Р. Умберто Эко: парадоксы интерпретации. Минск: ПроPILEI, 2000. 200 с.
11. Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста. СПб.: Симпозиум, 2005. 501 с.
12. Эко У. Опыты о переводе. Сказать почти то же самое. СПб.: Симпозиум, 2006. 574 с.

READER'S TYPE AND PECULIARITIES OF HIS TEXT PROJECTION

N.O Zolotova, N.V. Zakharova

Tver State University, Tver

Dialectics of relationship between author, translator and reader is considered from the point of view of psycholinguistic model of understanding the text. Roles of participants of interaction are being discussed. Reader's text projection peculiarities are coordinated with his individual characteristics.

Keywords: *understanding of the text, text projection, «dark places», translator's commentaries, reader's typology.*

Об авторах:

ЗОЛОТОВА Наталия Октябровна – доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой теории языка и перевода Тверского государственного университета, e-mail: sарogovskaya@mail.ru

ЗАХАРОВА Наталья Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры французского языка Тверского государственного университета, e-mail: zaharova-natalya00@mail.ru